

Содержание

От автора.....	7
<i>Глава 1.</i>	
Введение.....	9
<i>Глава 2.</i>	
Источники	27
ЧАСТЬ I.	
Цели пересмотра конституции и ее всенародного обсуждения	43
<i>Глава 3.</i>	
Происхождение конституционной реформы	44
<i>Глава 4.</i>	
Политика умеренности середины 1930-х годов.....	54
<i>Глава 5.</i>	
Мотивы новой конституции.....	68
5.1. Внешнеполитический фактор.....	68
5.2. Идеологический фактор.....	73
5.3. Внутриполитический фактор.....	88
<i>Глава 6.</i>	
Советские общественно-политические мобилизации	97
6.1 Отчетная кампания в советах	97
6.2. Кадры на местах: между молотом и наковальней.....	102
6.3 Политическое участие: управляемое и добровольное	108
6.4 Советская публичная сфера в 1930-е годы	129
<i>Глава 7.</i>	
Цели всенародного обсуждения конституции	136

ЧАСТЬ II.

Восприятие конституции населением 149

Глава 8.

Повседневная экономика в 1936 году 151

Глава 9.

Либеральный дискурс 167

9.1. Юридические новшества конституции..... 169

9.2. Работа советов и избирательная реформа..... 176

9.3. Права спецпереселенцев в свете конституции 188

9.4. Скепсис в отношении выборов 198

9.5. Новые свободы в массовом восприятии 206

Глава 10.

Голоса против новых прав и свобод..... 222

10.1. Религиозный дискурс..... 234

10.2. «Обязанность ненавидеть»: ожесточение общества... 256

10.3. Этатистский код политической культуры..... 263

10.4. Militarизм, поражение и регламентация..... 268

Глава 11.

Другие комментарии 276

11.1. Требования социального обеспечения 276

11.2. Недоверие..... 287

Глава 12.

Итоги всенародной дискуссии:

от политической умеренности к репрессиям 299

Глава 13.

О российской политической культуре в двадцатом веке 317

Глава 14.

Заключение 330

Глоссарий 338

Указатель..... 340

Глава 1.

ВВЕДЕНИЕ

Когда в 1991 году Советский Союз неожиданно распался, весь мир внимательно наблюдал за происходящим, пытаясь угадать, что будет дальше. И внутри страны, и за пределами бывшего СССР многие надеялись, что после десятилетий истощавшего страну социализма вновь созданные государства устремятся к подлинной демократии и свободному рынку. Опросы, проведенные на территории России на заре постсоветской эпохи, давали социологам основания для оптимистичных прогнозов¹. В последовавший затем бурный переходный период неоднозначное отношение бывших советских «подданных, вдруг превратившихся в граждан», к политике и выборам вызвало недоумение у наблюдателей и спровоцировало дискуссию о политических и культурных традициях нации и мере освоения ею демократической политической культуры. В 2000-е годы российские граждане выражали горячее одобрение действий своего президента, Владимира Путина, который, хотя и ассоциировался с экономическим ростом страны, проводил все более авторитарную политику, подавляя свободные СМИ и подчиняя себе судебную систему. К разочарованию российских либералов, высокий рейтинг этого бывшего офицера КГБ и его неоднократное переизбрание на пост главы государства

¹ *Reisinger W.M. Conclusions: Mass Public Opinion and the Study of Post-Soviet Societies // Public Opinion and Regime Change: The New Politics of Post-Soviet Societies / Ed. by A. H. Miller, W M. Reisinger, and V. L. Hesli. Boulder, CO: Westview, 1993. P. 274; Shlapentokh V. Russian Citizenship: Behavior, Attitudes and Prospects for a Russian Democracy // Citizenship and Citizenship Education in a Changing World / Ed. by Orit Ichilov. London: Woburn, 1998. P. 28–52.*

указывали на политическую культуру, далекую от идеалов либеральной демократии. Согласно опросам, проведенным исследовательским проектом *New Russia Barometer* («Барометр новой России»), поддержка правящего режима выросла с 36–39 процентов в 1990-е годы до 84 процентов в 2000-е годы, отражая экономический рост, стремление к стабильности и, возможно, согласие с авторитарными тенденциями в политике¹.

Постепенно стало ясно, что эти противоречивые трансформации — не уникальное российское явление: аналогичные процессы наблюдались и в других странах. Перемены, происшедшие в последние десятилетия XX века, открыли дорогу для демократизации, но развитие многих стран, где были заявлены демократические реформы, на практике явно не вписывалось в западную либеральную модель. И так произошло не только с большинством новых независимых государств постсоветского пространства: Российской Федерацией, Украиной, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Азербайджаном, Узбекистаном и Грузией. Многие другие развивающиеся страны — Венесуэла, Пакистан и большинство государств Африки — превратились в мнимые демократии, где выборы (краеугольный камень демократии) имеют место, но конституционные свободы, которые превозносятся в теории, в реальности попираются. Фарид Закария назвал этот феномен «нелиберальной демократией»; другие определяли его как «номинальный» конституционализм, «управляемую» демократию или состязательный авторитаризм. Да, выборы происходят, но население слишком часто голосует за антилиберальный курс и авторитарных политиков, формирующих режим со слабой законодательной и судебной властью, который постепенно мутирует в диктатуру. Этот тревожный процесс вновь вызвал интерес к вопросу, что определяет поведение граждан и их поддержку авторитарных или нелиберальных режимов.

¹ *Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 77.*

В различных обстоятельствах человеческое поведение и направление социальных преобразований определяются множеством взаимосвязанных факторов: экономических (как на индивидуальном, так и системном уровне), политических, культурных и демографических («молодежный навес»)¹. Люсьен Пай, сторонник теории модернизации, отмечал ее раскрепощающее влияние (результат урбанизации, роста образования и мобильности, развития технологий) как дополнительный фактор, определяющий траекторию перемен на фоне авторитарного режима². Другие исследователи указывали на то, что скорость, с какой в России произошла модернизация, и катастрофические события XX столетия могли создать неблагоприятные условия для выбора в пользу демократии. Все русские революции — 1905, 1917 и 1991 годов — совершались во имя модернизации и демократии, но складывающиеся в результате режимы упорно тяготели к авторитаризму. Поэтому ученым и образованной публике остается лишь размышлять, существуют ли в России культурные условия для успешной демократизации или ей внутренне присуща склонность к авторитарному режиму. Можно ли сказать, что российская политическая культура по сути своей невосприимчива к демократическим институтам? Или же советский проект модернизации, даже в его авторитарной форме, не мог не создать условий для демократизации и плюрализма, которые воздействуют и на настроения общества? Приводимый в этой книге исторический анализ мнений советских людей в 1930-е годы, которые характеризуют массовую политическую культуру того времени, призван помочь найти ответы на эти вопросы.

Понятие политической культуры служит здесь инструментом для объяснения политического поведения масс. «Международная

¹ Согласно советской статистике, в 1936 году 46 процентов населения были моложе 21 года. В соответствии с концепцией «молодежного навеса», этот демографический фактор, наряду с массовой миграцией населения в города, мог способствовать усилению радикальных настроений в обществе.

² *Sakwa R. Russian Politics and Society. London: Routledge, 2008. P. 456.*

энциклопедия социальных наук» определяет политическую культуру как «совокупность мнений, убеждений и настроений, которые придают смысл *политическому* процессу, и формируют предпосылки и правила, обуславливающие поведение в политической системе». О политической культуре партийной элиты, в особенности Сталина, написано немало, прежде всего потому, что подобные исследования имеют практическое применение в международных отношениях и дипломатии, а используемые источники легко доступны (например, публичные заявления)¹. Обычно считается, что культура партийной элиты уходила корнями в опыт ее подпольной деятельности и гражданской войны с такими присущими ей чертами, как черно-белая картина мира, догматизм и стремление принимать желаемое за действительное, воинственность и отказ от компромиссов, — это была культура, подточенная страхом и подозрительностью, когда постоянно мерещились внутренние и внешние заговоры и враги². Теперь же благодаря доступности корпуса новых источников стало возможным изучение *массовой* политической культуры сталинизма — не столько на уровне обобщений, а как конкретной системы взглядов, относящихся к конкретному временному периоду и нашедших отражение в документальных свидетельствах.

Интерес к умонастроениям и политическим предпочтениям советских граждан и предполагаемым трудностям перехода к демократии зародился в 1970-е годы и по понятным причинам возрос в 1990-е. Но этот интерес едва ли можно назвать новым. Маргарет Мид, например, изучала мировоззрение советских граждан в 1950-е годы, опираясь на методы антропологии, и пришла к выводу, что оно соответствует авторитарному строю.

¹ Среди множества работ см., например: *Tucker R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change*. London: George Allen and Unwin, 1972; *van Ree E. The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism*. London: Routledge, 2002.

² *Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. New Haven, CT: Yale University Press, 1999. P. 15–24.

С момента выхода ее работы историки разделились на два основных лагеря. Одни полагают, что российская политическая культура в значительной мере тяготеет к авторитаризму и плохо подготовлена к развитию по демократической и либеральной модели, потому что исторические обстоятельства не дали возможности народу полюбить свободу, коллективное в России принято ставить выше личного, а к частной собственности относятся неприязненно¹. Сосредоточившись в основном на политической культуре элиты и правительства, эти сторонники исторического и культурного детерминизма подчеркивали предрасположенность россиян к авторитарному режиму, хотя иногда подобную позицию можно было назвать политически предвзятой.

Приверженцы другой точки зрения указывают на многогранность русской национальной традиции, потенциальную открытость культурной сферы различным влияниям, развенчивая теорию о предопределенности авторитаризма. Ричард Саква, Николай Петро и Джеймс Миллар² полагают, что модернизация сама по себе естественно порождает новые силы и новые настроения, иногда даже в вымирающих социальных слоях, таких как дворянство или крестьянство. Общества развиваются, хотя и неравномерно и с разной скоростью. Даже в реакционные и застойные периоды существует демократический потенциал, как это было, например, в 1840-е годы — «замечательное десятилетие», когда, несмотря на полицейский режим Николая I, возникла русская интеллигенция. Достигнув своего пика в начале XX столетия, неофициальная гражданская культура продолжала

¹ *Biryukov N., Sergeev V.* Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism, and Traditional Culture. Aldershot, UK: Edward Elgar, 1993; *Brown A.* Ideology and Political Culture // Politics, Society, and Nationality inside Gorbachev's Russia / Ed. by Seweryn Bialer. Boulder, CO: Westview, 1989; *White S.* Political Culture and Soviet Politics. London: Macmillan, 1979, и другие.

² *Sakwa R.* Russian Politics and Society. P. 355; *Petro N.* The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995; *Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens* / Ed. by Millar J. R. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

жить даже в СССР, выражаясь в сопротивлении режиму, диссидентском движении, религиозном противостоянии, самиздате (нелегальном издании и распространении запрещенной литературы), субкультуре слухов и анекдотов, полуподпольной благотворительности, авторской песне и туристском движении 1970-х годов.

Исследователи указывают на проблему, нередко возникающую при изучении политической культуры, когда из прошлого и культуры отбираются произвольные факты, чтобы прийти к заранее заданным выводам, а специфика конкретного исторического периода игнорируется. Цель данного исследования советской политической культуры — методически проанализировать корпус архивных источников, которые никогда ранее не рассматривались сквозь призму политической культуры, и поместить высказывания и мнения обычных людей о конституции в политический, экономический, культурный и социальный контекст 1930-х годов. Массовую политическую культуру 1930-х годов теперь можно рассматривать с опорой на документальные источники на новом уровне исторического, культурного и методологического знания.

Авторы исследований, посвященных русско-советскому обществу в конкретные периоды его истории, например, в начале (Файджес и Колоницкий) и в конце (Роуз, Лукин) советской эры, отмечали слабый потенциал для либеральной демократии в политической культуре. Медушевский и Левин придерживаются такой же точки зрения в отношении сталинской эпохи.

Орландо Файджес и Борис Колоницкий, проанализировав политическую символику и риторику рабочих и крестьян в 1917 году, пришли к выводу, что «для либерального понимания демократии в России не была по-настоящему подготовлена культурная или социальная почва, по крайней мере — не в разгар революции». Если либерально настроенная интеллигенция, говоря о демократии, подразумевала конституцию, парламент и власть закона, рабочие и городские обыватели видели в ней скорее синоним власти простого народа. Во время споров в обществе

о демократии в 1917 году, в противовес интеграционному смыслу демократии для либералов, массы скорее видели в ней идею исключения — идею классово́й борьбы. Авторы полагают, что дискурс исключения и противостояния в обществе, который они исследовали в революционном 1917 году, глубоко укоренен в русской культуре¹.

Утверждение, что сталинская политическая культура уходила корнями в традиционалистскую культуру русского крестьянства, принимается многими как данность. Моше Левин указывал не только на религиозно-автократические традиции, наложившие отпечаток на отношения между обществом и государством в новой сталинской автократии, но и на влияние деревенской религиозности на государство, каким бы светским и рационалистическим оно себя ни позиционировало. Откликаясь на происходившие вокруг кардинальные изменения, крестьянское большинство преобразовывало и приспособливало инструкции, пропаганду, моду и образы, пропуская их через своеобразные культурные фильтры. Влияние традиционного крестьянского мира, которое Левин называет консервативной силой, сформировало облик государства: «Социальная матрица могла породить только одно — авторитаризм». Исторические традиции отношений между государством и обществом в сочетании с однородным, замкнутым на общину, безграмотным или полуграмотным крестьянством, а также «откат 1917–1921 годов», ослабивший социальный фундамент (крестьяне вернулись к более архаичному укладу, а рабочий класс потерял «свои наиболее опытные и прогрессивные слои»), создали в России благоприятные для авторитаризма условия. Волны кризисов принесли с собой утрату ориентиров, обезличивание и потерю идентичности; большевистское окультуривание подорвало уже существующую культуру (сужая культурную элиту) и создало культурный «вакуум», когда крестьяне лишились прежних ценностей, но

¹ *Figes O., Kolonitsky B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917.* New Haven, CT: Yale University Press, 1999. P. 122–123, 189.

еще не успели приобрести новые¹. Недавние работы о Всероссийском крестьянском союзе, движении первой трети XX века, позволяют поспорить с последним утверждением Левина относительно однородности и косности крестьянства: это движение свидетельствовало о политическом и социальном взрослении крестьянства, очевидном среди наиболее предприимчивых его представителей². На это распространение буржуазных и гражданских ценностей в крестьянской среде нельзя закрывать глаза. Две возникшие в результате политические культуры — традиционная и большевистская, если следовать теории Левина, — теперь представляются более многогранными. Сложное и нелинейное развитие нового самосознания ярко отразилось в дневниках бывших крестьян, ставших рабочими, в частности, Андрея Аржиловского.

Так как политическая культура — продукт одновременно коллективной истории и истории жизни отдельных людей, личный опыт, описанный в дневниках и частной переписке, обогащает наши представления об этой культуре. Споры в литературе о либеральном и нелиберальном субъекте³ в СССР привлекли внимание к личному измерению и роли биографического времени в становлении советской политической культуры. Хотя понятие политической культуры подразумевает изучение масс, социальных групп и коллективной идентичности, культурные

¹ *Lewin M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. London: Methuen, 1985. P. 274, 304–311, 314.

² *Seregny S. J.* A Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905 // *Slavic Review* 1988. № 47 (1). P. 51–67; *Куреньшев А. А.* Всероссийский Крестьянский Союз, 1905–1930 гг.: Мифы и реальность. М.: Дмитрий Буланин, 2004; *Великанова О.* Разочарованные мечтатели. Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. Гл. 4.

³ Субъектность в философии и социологии — это способность человека выступать агентом (субъектом) действия, быть независимым от других людей. Поведение субъекта не полностью детерминировано условиями его непосредственного окружения и ассоциируется с самодетерминацией и личностной автономией.

тенденции современной исторической науки и ставшие доступными многочисленными источниками личного происхождения побуждают к исследованию индивидуальной субъектности. Формирование субъектности (автономной рефлексирующей личности) и поиск идентичности осуществлялись, с одной стороны, индивидуумами, с другой — продвигались государственным проектом «нового советского человека». Дневники показывают, как параллельно динамике изменений в культуре и обществе разворачивалась и актуализировалась личность, показывают процесс осмысления и освоения сталинистских ценностей, который иногда приводил к дрейфу либеральной личности к нелиберальному гражданину, как произошло с Николаем Устряловым. В какой-то конкретный момент — например, в дискуссии о конституции, — эти социальные и индивидуальные траектории пересекались и порождали различные мнения. В таких случаях конституция была критерием, с которым люди сверялись и на основе которого выстраивали свою идентичность. Некоторые исследователи, в частности Шейла Фицпатрик, обнаружили в Советском Союзе 1930-х годов либерального советского субъекта — рациональных акторов, хорошо осознающих свои интересы и конкурировавших друг с другом за возможность устроить свою жизнь. Другие, в том числе Йохен Хельбек и Анна Крылова, полагают, что либеральный дискурс культурно чужд СССР, а социалистический субъект, как правило, антилиберален, не заинтересован в индивидуальной свободе и не уважает частные интересы. Исследования политической культуры и советской субъектности дополняют и обогащают друг друга.

Вызывающая много споров дихотомия советской жизни и двойственность советского субъекта непосредственно связаны с темой этой книги. Эту двойственность отмечали многие авторы: официальная идеология и народные верования, политические освободительные идеалы и действующие на практике дискриминационные нормы, намерения правительства и их воплощение с неожиданными последствиями на практике, демократические элементы политической культуры и авторитарно-патриархальные элементы. Все авторы предлагают разные трактовки. Ценный

вклад в эту дискуссию внесли Майкл Дэвид-Фокс и Андрей Медушевский: мы можем лучше понять несоответствия между конституционными нормами и реальностью диктатуры, если рассмотрим их в контексте исторического развития конституционализма в России XX века. Медушевский указывает на неизменность фиктивного характера конституционализма на протяжении всего столетия: в Основном государственном законе 1906 года, советских конституциях 1918, 1924, 1936, 1977 годов и в конституции 1993 года. Вслед за Максом Вебером он говорит о фальшивой природе реформы 1906 года, воплощенной в Государственной думе; иллюзорность реформы Вебер рассматривает скорее как следствие сложных обстоятельств и незаинтересованности социальных акторов в либерализме, чем как признак того, что русский народ «не созрел для конституционного правления»¹. Советский конституционализм с его расхождениями между декларацией и практикой был продолжением предшествовавшей ему фиктивной модели. Медушевский определяет советскую демократию как номинальный конституционализм, введенный с целью замаскировать диктатуру пропагандой, а не для укрепления правовых основ. Он объясняет это устоявшейся моделью отношений между обществом и государством, которой внутренне присуще «отрицание закона как такового... для регулирования этих отношений» и давлением со стороны традиционалистской социальной среды. Сосредоточиваясь прежде всего на политических факторах, Медушевский тем не менее признает важную роль культуры с ее переплетением современных и традиционных элементов. Поэтому он определяет сталинизм как «своеобразную форму тоталитаризма, развивающегося и функционирующего в условиях модернизации и основанного на традиционных элементах российской монархической политической культуры»².

¹ *Beetham D.* Max Weber and the Theory of Modern Politics. Cambridge, UK: Polity, 1985. P. 194–198.

² *Medushevsky A.* Russian Constitutionalism: History and Contemporary Development. Hoboken, NJ: Routledge, 2005. P. 156, 187, 241.

Книга Дэвида-Фокса обогащает дискуссию о дихотомии советской жизни с элементами модерности и неотрадиционализма в СССР, выдвигая тезис о соединении в советском строе как современных, так и других элементов: традиционных, специфически российских, или нелиберальных¹. После архивной революции, когда открылся доступ к документам с голосами масс, обнаружилась проблема непрямой или искаженного восприятия официальной доктрины в обществе. Вслед за Фицпатрик, Суни и Виолой Дэвид-Фокс подчеркивает необходимость отличать уровень государственных намерений с тенденцией к гиперпланированию от неожиданных последствий и неконтролируемого хаоса на местах, которые возникают при реализации этих намерений. Для моей книги особенно эвристична сформулированная им и Евгением Добренко² концепция обрядового и театрального характера презентации и потребления идеологии, когда граждане внешне демонстрируют «хорошее поведение», при этом пренебрегая ее смыслом и содержанием, что перекликается со взглядами историков на характер принятия населением христианства на Руси. Алексей Юрчак полагает, что этот разрыв между репрезентацией и содержанием идеологии сильно увеличился в позднем послесталинском социализме³. Тем не менее, как я покажу далее, в 1930-е годы идеологическое послание конституции, помимо ритуальных внешних реакций у многих аплодировавших на митингах, все-таки было усвоено

¹ *David-Fox M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union.* Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 44, 94.

² «Идеология как репрезентация» в терминологии Добренко. См. статью: *Dobrenko E., Savage J., Olson G. Socialism as Will and Representation, or What Legacy Are We Rejecting? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2004. Vol. 5. № 4. P. 675–708, и его работы о сопреализме. Об элементах перформанса в культуре также говорил Джеффри Брукс: *Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.

³ *Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 12, 21.

значительной частью участников дискуссии. Это особенно верно в отношении нового советского поколения, которое в силу молодости еще не прошло через циклы обманутых надежд. Многие из советских патриотов, особенно бенефициары, первоначально искренне поверили в конституцию и серьезно обсуждали ее содержание — демократию.

В социологических исследованиях, западных и российских, оценивается отношение российских граждан к демократии в 1990-е и 2000-е годы, которое может служить ориентиром при изучении политической культуры 1930-х годов. В отличие от использованных мною источников и методов их интерпретации, социология оперирует количественными данными. Один из наиболее репрезентативных опросов был начат в 1992 году Ричардом Роузом и его британскими коллегами и продолжался на протяжении двадцати лет. Проект «Барометр новой России» зафиксировал разочарование, вызванное несбывшимися надеждами на демократизацию, и инерцию авторитаризма в постсоветской России. Пример России характерен с точки зрения третьей волны демократизации, когда введение конкурентных выборов в разных странах выливалось в переход к гибридным режимам, которые в разных контекстах и в разное время определялись как номинальная, мнимая, нелиберальная или тоталитарная демократия. Роуз напоминает, что легитимный режим необязательно демократичен. Если же поддержка режима обеспечивается давлением, политическое равновесие между обществом и государством достигается уступками, покорным принятием или показным одобрением, а в перспективе ведет к возрастающему безразличию к политике, недоверию и оппозиционным настроениям. Разумеется, общество может поддерживать демократическую или недемократическую систему. Как показывают социологические опросы, несмотря на то, что «подавляющее большинство россиян считают демократию идеалом», они выражают все более явное одобрение недемократическим политическим практикам Путина в той же или в большей мере, что европейцы, поддерживающие демократические режимы в Центральной

и Восточной Европе¹. Вопрос, как широкая публика и российские «демократы»² представляют себе демократию, — тема продолжающихся исследований.

Таким образом, среди исследователей преобладает взгляд, что массовая политическая культура в России недостаточно восприимчива к либеральным ценностям.

В июне 1936 года проект новой советской конституции был опубликован для общественного обсуждения. Он объявил, что СССР приближается к неантагонистическому социалистическому обществу, и, соответственно, снял ограничения на право голоса и ввел всеобщее избирательное право, тайное голосование, разделение властей, открытый судебный процесс и право обвиняемых на защиту. Конституция провозгласила свободу печати, собраний и неприкосновенность личности, жилища и переписки. В связи с прежней приверженностью большевиков к классовой борьбе этот демократический импульс стал неожиданным поворотом в официальной партийной линии, который вызвал различные комментарии в санкционированной государством общенациональной дискуссии, которые составляют главную источниковую базу этой книги. В ней я анализирую и интерпретирую политические ценности и убеждения, выраженные в ходе кампании обсуждения и за ее пределами.

Историки иногда выражают скептицизм по поводу попыток выяснить, что люди «на самом деле» думают в авторитарных режимах, потому что несвободные люди склонны некритично

¹ *Rose R., Mishler W., Munro N.* Popular Support for an Undemocratic Regime. P. 3–15.

² Исследование демократического движения 1985–1991 годов, проведенное Лукиным на основе качественных методов, показывает, что в России эпохи Горбачева отсутствовали необходимые культурные предпосылки для успешной демократизации (см. главу 13): *Lukin A.* The Political Culture of the Russian 'Democrats'. Oxford: Oxford University Press, 2000.

воспринимать официальную правду и бояться выражать оппозиционные взгляды. В данном исследовании полностью признается эта эпистемологическая проблема. Его главная находка, еще не истолкованная и не объясненная в историографии, — это массовое неприятие обществом демократических принципов сталинской «священной» конституции, которое люди не боялись громко озвучивать. Другая находка — наличие либерального, примирительного дискурса в общественном сознании, несмотря на атмосферу нетерпимости, характерную для сталинской диктатуры. Скептический и проницательный наблюдатель, британский консул в Ленинграде, заявил в 1934 году: «Возможно, общественное мнение стоит поизучать, даже здесь»¹.

Эту задачу — изучения настроений и мнений населения в 1936 году — я ставлю перед собой в этой книге, тем более что в историографии конституция 1936 года изучалась в основном с точки зрения правительственной и судебной системы — в работах П. Соломона (1996), К. Петроне (2000), Э. Уимберг (1992), А. Гетти (1991) и в советских трудах. Последние основное внимание уделяли политическому процессу и обстоятельствам создания советской конституции: организации комиссии в феврале 1935 года, ее составу из высшего руководства партии и эволюции пяти проектов конституции². Западные авторы, обсуждая основные причины написания новой конституции, подчеркивают цель создания позитивного имиджа на международной и внутренней арене, то есть «рекламный трюк», а также стремление к централизации. Я же показываю, что традиционное толкование конституции как пропагандистского проекта, в основном для

¹ *Bullard R. W.* Inside Stalin's Russia: The Diaries of Reader Bullard, 1930–1934 / Ed. by J. Bullard and M. Bullard. Charlbury, Oxon, 2000. P. 258.

² *Богатыренко З. С.* Обзор документальных материалов по истории создания конституции СССР, 1936 г. // Исторический архив. 1959. № 2. С. 197–205; *Ронин С. А.* Конституция СССР 1936 года. М.: Госюриздат, 1957; *Третьяков Г. Ф.* Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 97–102; *Кабанов В. В.* Из истории создания Конституции СССР 1936 года // История СССР. 1976. № 6. С. 116–127.

Запада, больше не охватывает весь спектр мотивов правительства. В первой части этой книги рассматриваются правительственные цели принятия новой конституции и всенародной дискуссии, а также мотивы последующего отказа от конкурентных выборов и игнорирования демократических принципов, заложенных в конституции. Новые документы, включая внутреннюю секретную переписку руководства, позволяют предложить здесь новую версию об авторстве реформы, которое прежде единогласно приписывали Сталину. Более того, эти документы, а также последние исторические публикации позволяют мне пересмотреть роль идеологических мотивов, экономический и политический контекст реформы и раскрывают тайну зигзагообразной политики 1936–1937 годов с ее поворотом от умеренности к массовым репрессиям.

Хотя историография уделяет больше внимания политическим обстоятельствам создания конституции, мое исследование фокусируется на реакции общества. В отличие от структурной и институциональной перспектив, книга предлагает культурный подход в дополнение к исторической картине того периода. Некоторые авторы обращались к теме реакции общества на конституцию и рассматривали вопросы общественной поддержки и взаимосвязи между демократией, воплощенной в конституции, и террором¹.

Однако первопроходцем в изучении темы был Арч Гетти, который проложил путь для дальнейших исследований. Его статья начала 1991 года, опубликованная до открытия архивов и последующего пересмотра советской истории, опиралась на имеющиеся архивные документы. Гетти первым обсуждал цели дискуссионной кампании не в идеологических, а в социально-научных

¹ *Siegelbaum L., Sokolov A.* Stalinism as a Way of Life. New Haven, CT: Yale University Press, 2004; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; *Goldman W.Z.* Terror and Democracy in the Age of Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

терминах: выборку общественного мнения, стратегию мобилизации и направления общественного недовольства против местных чиновников. Сосредоточившись в основном на политических перипетиях власти, Гетти на четырех страницах сформулировал основные темы реакции общества на конституцию в Ленинграде и Смоленске, сдалав вывод о массовом неприятии большинством либеральных новшеств конституции. Вывод Гетти: конституция с самого начала не была демократическим фарсом. Цель государства заключалась в проведении демократической реформы диктатуры на основе широкого участия населения. Однако после экспериментирования Сталин, напуганный местными чиновниками и враждебностью крестьян, передумал и отменил демократическую реформу и повернул к репрессиям¹.

Эта пионерская статья Гетти послужит основой для дальнейшего обсуждения здесь таких важных тем, как обоснованность его теории демократических реформ и их плановый или непреднамеренный характер, взаимосвязь демократии и репрессий, роль общегосударственной дискуссии в политических поворотах Сталина. И политика, и реакция общества на конституцию, слишком кратко представленная в литературе, заслуживают всестороннего анализа с использованием нового уровня знаний и более широкого круга источников. Методология политической культуры является действенным инструментом для изучения общественного сознания: как развивались политическое участие, массовая мобилизация, идеал народного суверенитета, понятие гражданских прав и индивидуалистических ценностей в специфических условиях сталинизма.

Концепция политической культуры как комплексной системы взаимосвязанных убеждений, представлений и ценностей еще не применялась в исследовании сталинского общества. Классическая типология политической культуры, предложенная Алмондом и Вербой, описывает приходскую (или патриархальную),

¹ *Getty J. A. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review 1991. № 50 (1). P. 18–35.*

подданическую и партиципаторную культуры, каждая из которых связана соответственно с традиционным крестьянским обществом, централизованной авторитарной структурой и демократической политической структурой¹. Эта типология не совсем подходит советским моделям мышления и убеждений, ибо то, что мы видим в советских массовых представлениях, — это спектр характеристик от либеральных ценностей до авторитарных, с тенденцией к простому, биполярному миру, персонализации власти и нетерпимости к меньшинствам. Характер моей источниковой базы диктует несколько иную таксономию. Комментарии граждан тяготели к двум основным категориям: первая группа — комментарии в поддержку демократических, гражданских, умеренных, примирительных, толерантных (например, к религии) ценностей — иными словами, либеральных ценностей. Вторая группа комментариев тяготела к поддержке аффективных, воинственных, нетерпимых, бескомпромиссных и ограничительных — или антилиберальных — ценностей, таких как ненависть к врагам, любовь к высшей власти, общая враждебность, приверженность к ценностям, заявленных руководством. Кроме того, хорошо заметна подгруппа, выражающая коллективистские и клановые ценности, которые в российском контексте можно определить как ценности, ассоциируемые с традиционными крестьянскими обществами. Многие авторы обсуждали сохранение архаичных русских практик при сталинизме, таких как «письма во власть» как примитивный способ представления интересов, возрождение «аристократии» с определенным статусом — номенклатуры (или «бояр», по выражению Гетти) и склонность к коллективной ответственности². Современные

¹ *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston: Little, Brown, 1965.

² *Nérard F.-X.* Stalinism as Traditional Political Culture // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. № 17 (2). P. 475–482; *Martin T.* Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // *Stalinism: New Directions* / Ed. by Sheila Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 348–76; *Lewin M.* The Making of the Soviet System; *Getty J. A.* Practicing

социологические опросы часто используют категории демократической и традиционной политической культуры.

Какую бы типологию мы ни использовали — классическую, социологическую или либеральную/нелиберальную, — важно, что ни одна типология не подразумевает однородности политической культуры. В социальной реальности и на индивидуальном уровне всегда присутствует переплетение различных типов культуры: «Гражданин — это особое сочетание партиципаторной, подданической и патриархальной ориентации, а гражданская культура — это смешанный тип политической культуры, в котором наряду с преобладанием составляющих культуры партиципаторного типа органически присутствуют элементы патриархальной и подданической культур»¹. Кроме того, такие факторы, как стремительность трансформации (например, слом крестьянского мира в СССР в течение нескольких лет), политическая нестабильность и разрыв поколений, особенно выраженные в 1930-х годах, усугубляют многогранность политической культуры в этот конкретный период. «Слишком жесткое наступление на патриархальность может привести к тому, что и патриархальная, и подданическая ориентация могут перейти к апатии и отчуждению. Результатом станут политическая фрагментация и разрушение нации»². Таким образом, классифицируя дискурсы как либеральные или нелиберальные, мое исследование всегда подразумевает культурную смесь, следуя историографическим описаниям советского культурного пространства как «волатильной культуры» (по определению С. Франка и М. Штенберга) или сметенной и перекошенной идентичности, определенной Моше Левиным как «зыбучее общество».

Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven, CT: Yale University Press, 2013.

¹ Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. P. 19.

² Ibid. P. 23.